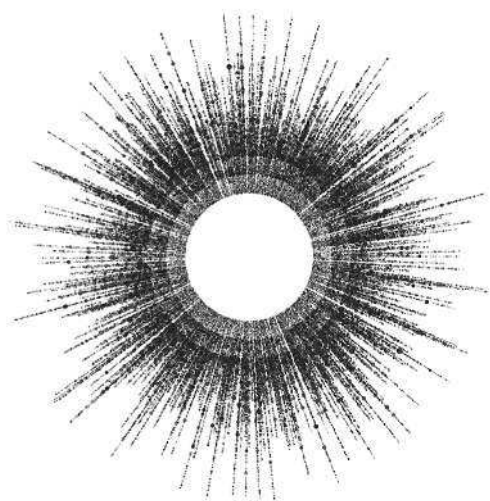

РОБЕРТ СОЙЕР

РОБЕРТ СОЙЕР
КВАНТОВАЯ
НОЧЬ

fanzon

Москва
2019

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44
С54

Robert J. Sawyer
QUANTUM NIGHT

Copyright © 2016 by Robert J. Sawyer

Разработка серии *Василия Половцева*
Иллюстрация на переплете и форзаце
Анны Пантюшиной

Сойер, Роберт.

С54 Квантовая ночь / Роберт Сойер ; [пер. с англ. В. Слободян]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-100456-9

Психолог-экспериментатор Джим Марчук разработал методику для выявления скрытых психопатов. Но, будучи подвергнут допросу об этих исследованиях в суде, Джим обнаруживает, что потерял воспоминания двадцатилетней давности о периоде своей жизни длиной в шесть месяцев — времени, в течение которого он сам, возможно, совершал отвратительные поступки.

Спустя много лет он встречается Кайлу Гурон — бывшую подругу из своего прошлого. Сегодня она — квантовый физик, сделавший ошеломительное открытие о природе человеческого сознания. Поскольку поток насилия и ненависти, все разрастаясь, катится по миру, психолог и физик объединяют свои усилия в гонке за время.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

© В. Слободян, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100456-9

КВАРТОВАЯ
НОЧЬ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Чейз Мастерсон,
прекрасной внутри и снаружи.

Возможно, это обязательное свойство
любой теории сознания — чтобы она
содержала по крайней мере одну
безумную идею.

Дэвид Чалмерс

1

НЕКОТОРЫЕ МОИ КОЛЛЕГИ С ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ

Университета Манитобы считают преподавание неудобством — «неотвратимым злом», как его называл Менно Уоркентин, возмущаясь количеством времени, которое оно отнимает от его исследований, — однако я обожаю преподавать. О, возможно, не так сильно, как люблю бананы, или смотреть по десятку старых эпизодов «Умерь свой пыл» или «Замедленного развития»¹ кряду, или фотографировать в телескоп шаровые звёздные скопления, но если брать только то, за что мне платят деньги, то преподавание — одно из самых любимых моих занятий.

Да, учить первокурсников — та ещё морока: огромные аудитории, заполненные спёртым воздухом и бесконечными рядами исходящих страхами подростков. Хотя мой собственный первый курс был больше двадцати лет назад, я живо помню, как записывался на вводный курс психологии в надежде разобраться в сбивающей с толку мешанине тревожности и влечений, что бушевала тогда — да и сейчас тоже — внутри меня. Cogito ergo sum? Скопее, sollicito ergo sum — беспокоюсь, следовательно, существую.

¹ Американские телесериалы-ситкомы.

Но тем серым утром у меня было занятие по курсу «Неврология этики» для третьекурсников, на который записалось меньше студентов, чем в феврале дней, и это сделало возможным не только лекцию, но и диалог.

На прошлом занятии у нас была оживлённая дискуссия о Ватсоне и Скиннере, конкретно — об их идее о том, что люди — не более чем реагирующие на стимулы машины, чей «чёрный ящик» мозга предсказуемо реагирует на входные сигналы. Но сегодня, вместо того чтобы продолжить разрушение бихевиоризма, я счёл необходимым уклониться на тёмную сторону, продемонстрировав с помощью смонтированного на потолке проектора фотографии из Саваннской тюрьмы, появившиеся на ВикиЛикс¹ в эти выходные.

Некоторые из них были просто отдельными кадрами из видеозаписей камер наблюдения; охранники на них сняты камерой под потолком и не позируют. Хотя изображённое на них было жестоко, не эти фото были самыми страшными. Нет, по-настоящему тошнотворными — до колик в животе, до желания отвести взгляд, до отказа верить своим глазам — были постановочные фото напоказ: фото охранницы, которая поставила ботинок на спину заключённой и с радостной рожей показывает большой палец кретину, держащему айфон; фото двоих мужчин в униформе, подбрасывающих измождённого голого заключённого к потолку, да так сильно, что, как показал позже рентген, его череп треснул в трёх местах.

¹ WikiLeaks — международная некоммерческая организация с открытой структурой наподобие Интернета, которая публикует секретную информацию.

Снимок усатого сержанта, присевшего над лежащим заключённым и испражняющегося ему на грудь, — одной рукой он зажимает заключённому рот, другой показывает знак мира; фото потом прогнали через Инстаграм, чтобы сделать его похожим на старомодный снимок «Поляроида», с белой рамкой и прочим.

У меня закрутило в животе, когда я демонстрировал всё это слайд за слайдом, одно злодеяние за другим. Господи, да ведь прошло уже шестнадцать лет с Абу-Грейб и полстолетия со «Стэнфордского тюремного эксперимента» Филипа Зимбардо. Мало того что, как предполагается, охранникам рассказывают о ситуативном давлении и учат ему противодействовать, двое из запечатлённых учились на курсах надзирателей. Они знали о Зимбардо; они знали об экспериментах Стэнли Милгрэма с электрошоком и подчинением авторитету; они читали конспекты отчёта Тагубы о зверствах в тюрьме Абу-Грейб.

И всё же, несмотря на то что их специально учили распознавать эти «ловушки» и избегать их — слово на первый взгляд безобидное, но, если задуматься, подразумевающее падение в бездну, следование за Люцифером в самое пекло ада, — эти мужчины и женщины дегуманизировали того, в ком ощущали врага, и в процессе утрачивали свою собственную человеческую сущность.

— Итак, — говорю я, заглядывая в лица своих шокированных студентов, — что мы из этого можем извлечь? У кого есть идеи?

Первым руку поднял Эштон, у которого до сих пор прыщи и который ещё не знает, что бороду вообще-то можно и подстригать. Я указываю на него:

— Да?

Роберт Сойер

Он разводит руками, словно истина в данном случае очевидна.

— *Всё просто, — говорит он, кивая на экран за моей спиной, на котором я оставил последний слайд: долговязый охранник по имени Девин Беккер убивает голого заключённого, удерживая его голову под водой в раковине тюремной камеры. — Невозможно изменить человеческую природу.*

Примерно год назад мне позвонили.

— Алло? — произнёс я в чёрную трубку офисного телефона.

— Профессор Джеймс Марчук?

Я закинул ноги на красновато-коричневую крышку своего рабочего стола и откинулся на спинку кресла.

— Он самый.

— Меня зовут Хуан Гарсия. Я из команды защиты Девина Беккера, одного из охранников Саваннской тюрьмы.

Я хотел было сказать: «Ну, он оставил вам не слишком много работы», но вместо этого просто ответил:

— Да?

— Моя фирма хотела бы вызвать вас в качестве свидетеля-эксперта на процессе мистера Беккера. Обвинение требует смертного приговора. Мы, по всей видимости, проиграем процесс — видео с камер наблюдения чертовски показательны, но мы можем по крайней мере не дать казнить Беккера, если убедим присяжных согласиться с тем, что он по-другому не мог.

Я нахмурился.

— И вы так считаете, потому что?..

— Потому что он психопат. Вы писали в своём блоге по поводу Леопольда и Лёба: «Нельзя казнить человека лишь за то, что он тот, кто он есть».

Я кивнул, хотя Гарсия не мог этого видеть. В 1924 году два состоятельных университетских студента, Натан Леопольд и Ричард Лёб, убили мальчика чисто ради развлечения. Леопольд считал себя и Лёба образцовыми примерами ницшеанского сверхчеловека¹ и в силу этого полагали, что не связаны законами, обязательными для обычных людей. Суперменами они не были, а вот психопатами были определённо. Их родители наняли в качестве защитника самого Клэренса Дэрроу. В своей ошеломительной двенадцатичасовой заключительной речи Дэрроу избрал стратегию защиты, о которой, по всей видимости, думал сейчас Гарсия, доказывая, что Беккер не может быть казнён за деяния, продиктованные ему его природой.

Я снял ноги со стола и наклонился вперёд.

— А Беккер в самом деле психопат? — спросил я.

— В этом-то и проблема, профессор Марчук, — ответил Гарсия. — Окружной прокурор велел провести оценку по методу Хейра, который дал Беккеру семнадцать баллов — гораздо меньше, чем требуется для признания человека психопатом. Но мы считаем, что их эксперт ошибся; наш эксперт получил тридцать один балл, что означает явную психопатию. И в общем, воспользовавшись вашей новой методикой, мы могли бы доказать присяжным, что правильна именно наша оценка.

— Вы знаете, что результаты моего теста ещё ни разу не были приняты судом?

¹ Übermensch (нем.).

Роберт Сойер

— Да, мне об этом известно, профессор Марчук. Мне также известно, что никто пока не пытался приобщить их к делу в качестве доказательства. Но я держу в руках вашу статью из «Природы неврологии». То, что она была опубликована в таком уважаемом и престижном научном журнале, даёт нам прекрасный шанс; Джорджия следует Добертовским стандартам приемлемости доказательств. Однако нам нужны вы — лично вы, основной автор публикации, — для того чтобы применить ваш метод к Беккеру и дать показания о результатах: только тогда у нас будет шанс заставить суд принять это свидетельство.

— Что, если я покажу, что Беккер не является психопатом?

— В таком случае мы всё равно оплатим затраченное вами время.

— И похороните результаты?

— Профессор, мы уверены в исходе.

Дело было вроде бы стоящее — но и то, чем я занимался здесь, тоже.

— У меня довольно плотное расписание, и...

— Я знаю, профессор. Я как раз сейчас просматриваю его на сайте вашего университета. Но процесс, вероятно, не начнётся раньше летних каникул, и к тому же, прямо скажем, это шанс что-то изменить. Я читал ваш «разумно моральный» блог. Вы против смертной казни — вот вам шанс помочь не дать ей свершиться.

Мой компьютер как раз в этот момент показывал план дневного занятия по Психологии морали. На нём я собирался цитировать исследование студентов Принстонской семинарии, которые, опаздывая на проповедь, где собирались разбирать притчу

о Добром самаритянине, прошли мимо человека, упавшего в переулке, не обратив на него внимания, потому что сильно торопились.

«Живи так, как учишь жить» — я всегда это говорю.

— Хорошо. Можете на меня рассчитывать.

* * *

Сразу после выхода из разгрузочного тоннеля в аэропорту «Хартсфилд-Джексон» я зашёл в маленький магазинчик купить бутылку «Кока-зеро» — здесь, в Атланте, штаб-квартире «Кока-Коль», «Пепси» нигде не было и следа. Без всякой задней мысли я на автомате протянул женщине за кассой банкноту в пять канадских долларов.

— Что это? — удивилась она, взяв её в руки.

— О! Простите. — Я полез в бумажник — мне всегда приходится внимательно рассматривать американские деньги, чтобы определить их достоинство, потому что все они одного цвета, — и выудил из него бумажку с Эйбом Линкольном.

В магазине, кроме меня, не было других покупателей, а женщину, похоже, заинтересовала синяя полимерная банкнота, которую я ей дал. Внимательно осмотрев бумажку, она посмотрела на меня и сказала:

— Тут нигде не говорится про Бога. У вас там богобоязненная страна, или как?

— Э-э... ну, мы верим в отделение церкви от государства.

Она вернула мне банкноту.

— Такого не бывает, — сказала она, — и нахмурилась, будто что-то вспомнив. — Вы там все социалисты, да?